

УДК 141.3

И.М. Наливайко

канд. филос. наук, доц. каф. философии культуры
Белорусского государственного университета
e-mail: niminna3@gmail.com

КРИТИКА ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ АНРИ ЛЕФЕВРА

Обосновывается особый эвристический статус созданной французским неомарксистом А. Лефевром теории повседневной жизни, что ознаменовало собой рождение принципиально нового направления в исследовании проблематики повседневности – «критики повседневной жизни», к которому принято причислять таких известных мыслителей, как М. Бахтин, Х. Арндт, М. де Серто и др. Новизна и специфика данного направления обусловлена тем, что в нем впервые признается амбивалентный характер повседневности, которая не только нивелирует, стереотипизирует и обезличивает человеческое бытие в мире, но и обладает мощным бытийным потенциалом и специфической креативностью, открывающей человеку в окружающем его существе и в нем самом уникальное и небывалое. С точки зрения А. Лефевра, только в повседневной жизни становится возможным преодоление отчуждения и формирование человека как целостности.

Введение

Фраза «критика повседневной жизни», вынесенная в заглавие данной статьи, может быть понята одновременно в нескольких значениях. Прежде всего, это название одного из фундаментальных сочинений французского философа, социолога и теоретика культуры Анри Лефевра, который сделал повседневность сквозной темой своего научного творчества. Во-вторых, именно этим термином Лефевр маркирует основную задачу современной философии марксистского толка, которая должна предложить реальные пути преодоления отчуждения и переустройства социальной жизни на основе революционного преобразования повседневности. И в третьих, это выражение Лефевра стало наименованием нового направления в исследовании повседневной жизни, которое объединяет достаточно разных, на первый взгляд, философов в общем устремлении обосновать, исследовать и использовать творческую природу повседневности для преодоления новейших социальных и экзистенциальных кризисов.

Это направление действительно вправе претендовать на радикальную новизну, так как до возникновения концепции Лефевра повседневность преимущественно рассматривалась в односторонне, а именно как анонимно-усредняющий модус социальности. Исключением может служить только творчество русского философа Василия Розанова, которое, к сожалению, до сих пор остается малоизученным на Западе как в силу исторических перипетий XX ст., так и вследствие особой стилистики розановского письма, которая с трудом вписывается в академический контекст. Идеи Лефевра дали импульс пересмотру и преодолению этой тенденции и закрепили за проблематикой повседневности статус одного из самых приоритетных направлений современной гуманитаристики. Канадский исследователь Мишель Гардинер, посвятивший этому направлению обширную монографию, так характеризует роль А. Лефевра в новейшей философии: «Его почти безграничная вера в регенеративную способность повседневной жизни, сопротивляемость тела и неугасимый дух противоречия и радикальная субъективность выделяют его как философа, имеющего лишь несколько аналогов в современной интеллектуальной жизни» [1, с. 99].

Все это позволяет обозначить в качестве цели нашего исследования содержательную реконструкцию концепции повседневной жизни А. Лефевра и обоснование ее

эвристического потенциала. Эта цель может быть реализована посредством постановки и решения следующих задач:

- 1) обнаружение и экспликация методологических оснований критики повседневной жизни А. Лефевра;
- 2) определение критического подхода к повседневности как фундаментальной характеристики нового направления в исследовании повседневной жизни;
- 3) выделение основных характеристик повседневной жизни и обоснование определяющей роли темы повседневности в философском творчестве А. Лефевра.

Методологические основания критики повседневной жизни А. Лефевра

Если верить исследователям творчества А. Лефевра, замысел его книги «Критика повседневной жизни», три тома которой увидели свет в 1947, 1961 и 1981 гг., начал складываться еще в 1930-е гг. Доподлинно неизвестно, был ли Лефевр знаком с до-марксистским этапом творчества Д. Лукача, который в 1911 г. впервые использовал термин «повседневность» в качестве философского понятия, но он, бесспорно, был знаком с ранними работами М. Хайдеггера, сделавшего повседневность одним из ключевых концептов «Бытия и времени». Таким образом, можно утверждать, что концепция Лефевра, получившего известность прежде всего в качестве адепта неомарксизма, складывается на пересечении марксистского и экзистенциально-онтологического подходов.

Базовой методологической идеей всего творчества Лефевра, несомненно, является критика отчуждения. Отчуждение и экономический фетишизм приводят к появлению т.н. фрагментированного человека и господству мистифицированного сознания. Несомненной заслугой А. Лефевра является попытка выявить не только социально-экономические, но и экзистенциальные проекции отчуждения. Распространение отчуждения на экзистенциальную сферу приводит к невозможности услышать и помыслить Другого, а тем самым, – к непониманию самого себя, к ущербному и фрагментарному существованию. Следовательно, первоочередной задачей марксистской теории и основанной на ней социальной практики должно стать преодоление всех видов отчуждения. Реанимирование критического пафоса марксизма означало на деле и поиск нового направления этой критики, равно как и поиск нового метода, объединяющего теорию и жизнь. Эти поиски приводят Лефевра к феномену повседневной жизни, поскольку именно она является той сферой, где рождается всякое живое начинание и где встречаются и переплетаются фрагментарные виды человеческой активности. Она несет в себе изначальное нерасчлененное многообразие и единство и, что самое главное, является практической по самой своей природе. Повседневность есть праксис, а только праксис способен преодолеть отчуждение и привести к созданию целостного человека.

Таким образом, Лефевр фактически призывает к новому рождению марксизма как критической теории – критике повседневной жизни. Реабилитация мистифицированного сознания должна начаться с портрета самого прозаичного человека в его повседневном существовании. Более того, это одновременно реабилитация человека как такового, преодоление пресловутого субъект-объектного дуализма, теории и практики, жизни и рефлексии, поскольку, «если человек существует, он может существовать только как повседневный» [2, с. 10]. Поэтому именно повседневность должна стать предметом изучения всякой философской теории, но сам этот предмет требует весьма серьезного и ответственного подхода: «Некоторые изучают повседневность с нетерпением; они хотят “изменить жизнь” и сделать это быстро; они хотят все и сейчас! Другие верят, что живой опыт не является ни важным, ни интересным, и вместо того, чтобы пытаться его понять, нужно его минимизировать, вывести за скобки, чтобы очистить путь науке, технологии, экономическому росту и т.д.» [2, с. 11]. Позиция Лефевра противостоит обеим крайностям. Критика повседневной жизни в полном соответствии с пафо-

сом марксизма означает для него революционное переустройство последней, но само это переустройство должно основываться на тщательном и скрупулезном анализе и пояснении специфики повседневности как особого способа человеческого бытия в мире. Именно этому и посвящена как работа «Критика повседневной жизни», так и ряд других известных трудов Лефевра по «производству пространства».

Критика повседневной жизни как новое направление в исследовании повседневности

Несмотря на то, что текст «Критики повседневной жизни» может смутить академического читателя некой поэтической вольностью изложения (один из исследователей даже назвал его «сказаниями рапсода»), Лефевру удалось сформулировать в ней ряд предельно важных философских идей относительно природы и специфики повседневной жизни, послуживших регулятивными источниками нового направления, названного по имени данной работы.

Прежде всего, Лефевр открывает амбивалентный характер повседневности. В противовес господствовавшим до него односторонним трактовкам, понимавшим повседневность как неподлинный, фрагментарный, анонимный и усредняющий способ человеческого существования, Лефевр утверждает, что именно повседневная жизнь таит в себе изначальную полноту и единство: полноту человеческой самости, единство между человеком и миром, между Я и Другим. Однако в современной культуре мы имеем дело с феноменом повседневности, уже подвергшимся воздействию отчуждения, с ситуацией, где повседневная жизнь репрезентирует не саму бытийную полноту, а ее остатки, следы, которые тем не менее могут быть «схвачены» и прочитаны как руководство к ее революционному переустройству.

Вышесказанное имплицитно удерживает в себе еще два важнейших методологических открытия:

1. Повседневная жизнь есть историческое образование, которое сущностно зависит от социально-экономических процессов и в то же время оказывает на них обратное воздействие.

2. Следует содержательно разграничивать понятия «повседневная жизнь» и «повседневность», поскольку последняя как неподлинный, нивелирующий способ человеческого существования есть результат негативного воздействия процессов отчуждения, следствие выхолащивания полновесных сценариев повседневной жизни: «Лефевр был также первым, кто провел четкое различие между повседневной жизнью и повседневностью. Именно повседневность является сферой отчуждения, в то время как повседневная жизнь хранит остатки былой полноты. С его точки зрения, Новое время вызвало вырождение повседневной жизни в повседневность. В то время как повседневная жизнь, существовавшая всегда, содержит в себе многообразие, основанное на онтологическом единстве человека и мира, повседневность вырождается в односторонность и монотонность» [3, с. 48].

Исторический характер повседневности дает основания полагать, что и она может быть преодолена посредством победы над отчуждением, путем революции повседневной жизни, возможность которой выводится из еще одного фундаментального методологического положения Лефевра: повседневная жизнь продуцируется как труд, она по определению носит практический характер. «Только предписанная повседневному человеку практика может освободить его от отчуждения и привести к единству “целостного человека”, в котором преодолен субъект-объектный дуализм. И революция повседневной жизни может вернуть эту утраченную полноту, восстановить целостность с помощью особого рода производственной деятельности – *повседневного произ-*

водства, продуцируя жизнь как *труд*. То есть лефевровская критика повседневной жизни в то же время становится ее реабилитацией» [3, с. 49–50].

Именно эти методологические открытия легли в основу формирования отдельного направления исследования повседневного бытия, в рамках которого встречаются такие неординарные фигуры, как М. Бахтин, М. де Серто, Х. Арендт и др.

Самого Лефевра они ведут к попытке теоретической и историко-культурной реконструкции и осмыслению тех трансформаций, которые претерпевает повседневная жизнь, что, собственно, и стало основным пафосом и главной темой всех его работ.

Критика повседневной жизни как главная тема философского творчества А. Лефевра

Признание исторического характера повседневности позволяет Лефевру проследить начало иссушения и деградации сценариев повседневной жизни, активированное рождением буржуазного способа производства. Уже в первом томе «Критики повседневной жизни» он констатирует, что отчуждение стирает нерасчлененность традиционной повседневной жизни, ее связь с космическим порядком, связывающим человека и природу в недифференцируемое единство. Машинный способ производства и рождение буржуазных социальных институтов трансформируют повседневную жизнь в монотонную неподлинную повседневность.

Лефевр описывает как формальный механизм, так и содержание этого процесса, затрагивая в числе прочих одну из самых актуальных философских проблем – проблему природы повторения, повторяемости: «В изучении повседневности мы сталкиваемся с серьезной проблемой повторяемости, одной из самых сложных из стоящих перед нами проблем. Повседневность расположена на пересечении двух способов повторения: циклического, который доминирует в природе, и линейного, который доминирует в процессах, известных как “рациональные”. Повседневность, с одной стороны, подразумевает циклы: дни и ночи, сезоны и урожаи, активность и отдых, голод и насыщение, желание и его исполнение, жизнь и смерть, но, с другой стороны, она включает в себя повторяющиеся жесты труда и потребления. В современной жизни эти повторяющиеся жесты направлены на то, чтобы маскировать и разрушать циклы. Повседневности навязывается ее монотонность» [2, с. 10]. Эта навязываемая монотонность приводит к тому, что повседневное становится «продуктом» «наиболее общим из продуктов той эры, где производство порождает потребление, и где потребление манипулируется производителями: не «рабочими», а менеджерами и собственниками средств производства (интеллектуальных, инструментальных, научных). Повседневность, таким образом, есть наиболее универсальное и наиболее уникальное условие, самое социальное и самое индивидуализированное, наиболее очевидное и наиболее скрытое. Условие, предусматривающее четкость форм, predetermined средствами производства, вписанное в структуры; повседневность создает платформы, над которыми поднимается бюрократическое общество контролируемого консюмеризма [2, с. 9].

В то же время, по мнению Лефевра, в современной повседневной жизни еще сохранились лакуны, где можно заметить следы былой полноты и единства. Это прежде всего патриархальная жизнь сельской провинции (в противовес урбанизированному пространству больших городов). Полная скрытой поэзии зарисовка воскресного дня, проведенного во французской провинции, актуализирует целый спектр тем, прошедших красной нитью через все творчество Лефевра: тему праздника как отражения единства человека и природы и фестивализации жизни; тему роли социальных институтов в превращениях, претерпеваемых повседневной жизнью; и наконец, тему социального производства пространства, ставшую доминирующей на позднем этапе его творчества. Именно эта тема делает Лефевра одним из идеологов современных урбанистических

исследований, поскольку методологические посылы критики повседневной жизни приводят его к предположению, что пространство есть социальный продукт. Оно сформировано властными инстанциями, и революционное переустройство повседневной жизни с необходимостью включает в себя работу с пространством. Самой востребованной идеей Лefевра в этот период оказалась констатация «права на город», которая лежит в основе множества новейших урбанистических концепций.

Заклучение

Можно утверждать, что теория критики повседневной жизни Анри Лefевра, возникшая на пересечении марксистского и экзистенциально-феноменологического подходов, знаменовала собой начало принципиально нового направления в исследовании повседневности. Это направление базируется на признании неустранимо двойственной природы повседневной жизни и ее позитивного онтологического статуса, что, в свою очередь, приводит к признанию необходимости ее революционного переустройства. Проводя своего рода реабилитацию повседневной жизни, Лefевр вскрывает ее существенные характеристики и впервые проблематизирует ряд тем, логически вытекающих из его новаторского подхода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gardiner, M. E. *Critiques of Everyday Life* / M. E. Gardiner. – London : Routledge, 2000. – 256 p.
2. Lefebvre, H. *The Everyday and Everydayness* / H. Lefebvre // *Yale French Studies* (73). – Yale, 1987. – P. 7–11.
3. Феноменология повседневности / под ред. И. М. Наливайко и М. Б. Тина. – Вильнюс : Логвінаў, 2015. – 380 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 19.03.2018

Nalivaiko I.M. The Critique of Everyday Life in Henri Lefebvre's Social Philosophy

The article substantiates the specific heuristic status of the theory of everyday life created by the French neo-Marxist H. Lefebvre, which marked the birth of a fundamentally new approach to the study of everyday life, the so-called «critique of everyday life», which unites such noted thinkers as M. Bakhtin, H. Arendt, M. de Certeau, etc. The novelty and specificity of this approach lies in the fact that, for the first time, it recognizes the ambivalent character of everyday life, which not only levels, stereotypes and depersonalizes human being in the world, but also has a powerful existential potential and a specific creativity, which reveals the unique and the extraordinary in the human being and the surrounding entities. According to H. Lefebvre, a possibility of overcoming of alienation and shaping human being as integrity lies only within the everyday life.